

УДК 801:27
ББК83.3(2=411.2)53

Леонид Геннадьевич Каяниди

Смоленский государственный университет, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и журналистики, Россия, Смоленск, e-mail: leonideas@bk.ru

Три ипостаси Достоевского

[Рец. на:] Иванов В.И. Достоевский. Трагедия – миф – мистика /
отв. ред. А.Б. Шишкин и О.Л. Фетисенко.

СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2020. 476 с.

Аннотация. Представлен аналитический разбор нового издания классической книги о Достоевском русского поэта-символиста и мыслителя Вячеслава Иванова, который стал завершителем целой эпохи в осмыслении наследия русского романиста. Дана краткая характеристика каждого из трех разделов книги, где Достоевский осмысливается как трагический поэт, мифотворец и религиозный мыслитель. Отмечены особенности нового перевода книги Иванова с немецкого языка, сделанного М.Ю. Кореновой. Особое внимание уделено обширным комментариям к книге Иванова, которые нередко разрастаются в отдельные исследовательские этюды, в которых раскрываются присущие творчеству Иванова идеи, символы и мифологемы (например, Ариман, Люцифер, Психея, трансценсус, «Ты еси»). Дается обзор приложений, которыми снабжено издание. Отмечены наиболее значимые из них: стенограмма обсуждения доклада С.Н. Булгакова в Московском Религиозно-философском обществе «Русская трагедия»; конспективные записи лекций о Достоевском, читанных Ивановым в Бакинском университете в 1921–1923 гг.; обсуждение доклада А. Крученых о Достоевском и Ницше в Бакинском университете в 1921 году; немецкоязычные рецензии на ивановскую книгу; хроника «Достоевский в жизни и мысли В.И. Иванова (1883–1949)», составленная А.Б. Шишкиным и А.Л. Соболевым. Представлен обзор входящих в состав приложений к книге статей современных ивановедов (А.Б. Шишкина, М.Б. Плюхановой).

Ключевые слова: философия и мистика Ф.М. Достоевского, герменевтика Вячеслава Иванова, русская религиозная философия, роман, трагедия, миф, мистика, религия

Leonid Gennad'evich Kayanidi

Smolensk State University, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Literature and Journalism, Russia, Smolensk, e-mail: leonideas@bk.ru

Dostoevsky's Three Hypostases

[Review of:] Ivanov V.I. Dostoevsky. Tragedy-Myth-Mysticism.

Ed. by A. B. Shishkin and O.L. Fetisenko. Saint Petersburg:

Pushkin House Publisher, 2020. 476 p.

Abstract. This review presents an analysis of the new edition of the classic book on Dostoevsky written by the Russian modernist poet and thinker Vyacheslav Ivanov, who was the last representative of an

entire era of Dostoevsky's interpreters. At first, a brief description of each of the three sections of Ivanov's book is offered. In these sections, Dostoevsky is interpreted as a tragic poet, a myth-maker, and a religious thinker. Along with it, some features concerning M.Yu. Koreneva's new translation from German are also analyzed. Special attention is then paid to a number of extensive comments on Ivanov's book, which often become separate studies concerning Ivanov's most significant ideas, symbols and mythologies (for example, Ahriman, Lucifer, Psyche, transcensus, "You are"). Furthermore, an overview of the appendices included in the publication is given. Among these, the most significant are: the transcript of a text that S.N. Bulgakov discussed in the Moscow Religious and Philosophical Society "Russian tragedy"; some notes concerning the lectures on Dostoevsky Ivanov gave at the Baku University in 1921–1923; the text on Dostoevsky and Nietzsche which A. Kruchenykh discussed at the Baku University in 1921; some reviews in German on Ivanov's book; the chronicle "Dostoevsky in the Life and Thoughts of V.I. Ivanov (1883–1949)" compiled by A.B. Shishkin and A.L. Sobolev. In conclusion, a review of a number of articles written by modern Ivanov scholars (A. B. Shishkin, M.B. Plyukhanova), which are also included in the appendices to the book, is presented.

Key words: F.M. Dostoevsky's Philosophy and Mysticism, Vyacheslav Ivanov's Hermeneutics, Russian Religious Philosophy, Novel, Tragedy, Myth, Mysticism, Religion, Literary History

DOI: 10.17588/2076-9210.2021.4.135-146

Вячеслав Иванов занимает уникальное место в истории достоевсковедения. Можно без преувеличения сказать, что он замыкает и венчает целую эпоху в постижении великого романиста, которой подобает определение религиозно-философской – по родовому обозначению плеяды мыслителей, выступивших на авансцену русской культуры в 1890–1900-е годы. У истоков традиции этой религиозно-философской экзегетики творчества Достоевского лежали три речи в память о Достоевском, которые в 1881–1883 гг. произнес Вл. Соловьёв, близкий друг и собеседник Федора Михайловича в последние годы его земного бытия, прототип одновременно Ивана и Алеши Карамазовых. Эта традиция была подхвачена Мережковским и Розановым, судьбы которых соприкоснулись с Достоевским и были (каждая по-своему) «опалены» им: Мережковский, принеся на рецензию свои стихи, получил завет страдать, прежде чем творить; Розанов, будучи женат на Аполлинарии Сусловой, роковой возлюбленной Достоевского, обрел одну из главных тем творчества – антиномию пола. Своего расцвета религиозно-философская традиция постижения Достоевского достигает у Иванова – или в связи с Ивановым. Достоевский становится «сквозным героем дискуссий» (определение В.В. Полонского) в Петербургском Религиозно-философском обществе и на ивановской Башне. На башенных «симпозионах» и заседаниях РФО и рождаются концепции романов-трагедий Достоевского (1911 г.), его «основного мифа» (1914 г.), а затем и гениальная демонология (1917 г.), которая ляжет в основу архетипической типологии персонажей Достоевского. Уже в эмиграции Иванов обобщит и расширит свои штудии и вы-

пустит книгу «Достоевский. Трагедия – миф – мистика» (1932 г.)¹, которая наряду с «Миросозерцанием Достоевского» Н. Бердяева (1923 г.) станет фундаментом западного достоевсковедения. Книга Иванова обозначит границу между религиозно-философским и научно-ригористическим постижением Достоевского: историко-литературные сопоставления Иванова подхватит и разовьет А. Бём, а его религиозно-мистические прозрения секуляризируются в теории полифонического романа М. Бахтина.

В своей книге Иванов рассматривает творческую личность Достоевского в трех ипостасях – трагического поэта, мифотворца и религиозного мыслителя. В первой части (*Tragodumena*) Достоевский показан как создатель нового жанра «романа-трагедии» и как мистический реалист, возводящий человеческую трагедию к сверхчувственному самоопределению человеческого существа – жить с Богом или без Него. Во второй части (*Mythologumena*) Иванов вскрывает и описывает архетипические мифологемы, которые лежат в основе фабулы романов «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы». Третья часть (*Theologumena*) состоит из двух разделов – «Демонология» и «Агиология». В первом устанавливается дихотомия сил зла (Люцифер, дух «светлой тьмы», и Ариман, дух распада и тления), которая применяется в качестве инструмента постижения сущности отрицательных героев Достоевского. Во втором разделе в основном с опорой на «Братьев Карамазовых» представлен «положительно-прекрасный» полюс художественного мира писателя – «алешинцы» (если использовать термин Иванова из его статьи «Живое предание»), община мальчиков во главе с Алешей Карамазовым, которая формируется вокруг сакральной фигуры Илюши Снегирева и представляет собой соборное единство, церковь.

Новое издание классической книги Иванова о Достоевском, безусловно, начинание мемориальное: оно «вплетается» в юбилейный «венок», «приносимый» научным сообществом нашему гениальнейшему соотечественнику в связи с 200-летием его рождения и 140-летием смерти. Но меньше всего следует рассматривать эту книгу только как издание «на случай». Ее появление совсем неслучайно и продиктовано чисто научными соображениями. Первое из них – необходимость нового перевода книги. Насущный характер ревизии первого перевода книги Иванова, помещенного в четвертый том «брюссельского» собрания сочинений Иванова, ощущал уже его автор, сын Иванова Димитрий Вячеславович. Он сознательно опирался при переводе с немецкого на русский на статьи Иванова 1910-х гг. и в случае обнаружения сходства между ними и позднейшим немецким текстом отказывался от дословного перевода немецкого

¹ Иванов В.И. Достоевский: Трагедия – Миф – Мистика /отв. ред. А.Б. Шишкин и О.Л. Фетисенко; пер. с нем. Дим. Вяч. Иванова, М.Ю. Кореновой (текст), О.Л. Фетисенко (рецензии); статьи А.Б. Шишкина, М.Б. Плюхановой, М.Ю. Кореновой; коммент. Н.М. Сегал-Рудник, С.Д. Титаренко, О.Л. Фетисенко при участии К.Д. Баршта, Л.Л. Ермаковой и К.Г.Исупова. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2021. 476 с. (Далее ссылки на это издание даются в тексте в круглых скобках с указанием только страниц.)

текста и отдавал предпочтение пассажирам из статей 1910-х гг. Автор нового перевода М.Ю. Коренева отмечает: «Такой подход противоречил авторскому замыслу: Иванов неоднократно повторял в письмах к разным корреспондентам, что хотел бы уйти от прямого повторения текстов ранних статей» (с. 306). Новый перевод был заказан Дмитрием Ивановым, который обозначил два непрременных условия: «сохранить в переводе все явные цитаты из ранних статей, внося в них те изменения, которые вычлняются при сличении немецкого перевода с русским оригиналом, а также учесть по возможности предложенный им [т.е. Дмитрием Вячеславовичем. – Л.К.] вариант прочтения немецкого текста в тех случаях, если он соответствует немецкому «оригиналу» (с. 307). Этот перевод был практически завершен М.Ю. Кореновой еще при жизни Дмитрия Вячеславовича и авторизован им.

Почему же книга, готовая к изданию еще в начале 2000-х гг., увидела свет только в 2021-м? Причину, кажется, обозначил еще Е.Д. Шор, филической майевтике которого мы обязаны реализации проекта создания и издания ивановской книги: «Ваша книга так богата религиозным, философским, научно-литературным и историсофским содержанием», что, «чтобы охватить всю книгу целиком, надо написать комментарии, в несколько раз превосходящие книгу своим объемом» [1, с. 365]. И действительно, комментариев к книге если и не превысил ее объема, то вполне сопоставим с ним. Над ним работал целый коллектив авторов – специалистов по творчеству Достоевского, Иванова, классической филологии: Н.М. Сегал-Рудник, С.Д. Титаренко, О.Л. Фетисенко при участии К.А. Баршта, Л.Л. Ермаковой, К.Г. Исупова. Их научный союз достиг совершенно уникального результата, который заслуживает самых восторженных похвал. Дело в том, что создание научного комментария к любому тексту Иванова – задача гроссмейстерская, ибо плотность ивановского подтекстуально-ассоциативного ряда аналогична кристаллической решетке, а эрудиция простирается от ранней античности до современности. Высочайший стандарт комментария ивановской философской прозы был задан Г.В. Обатниным, А.Л. Соболевым, К.А. Кумпан, А.Б. Блюмбаумом при издании книги «По звездам»². Ивановский «Достоевский» не только не роняет планку, заданную в книге «По звездам», но, кажется, поднимает ее еще выше (*ad astra*). Каждый отдельный комментарий здесь, как водится, дает лингвистическую, историко-литературную, биографическую справку, дополненную в случае необходимости исчерпывающими библиографическими сводками. Перед комментаторами «Достоевского», однако, встала, очевидно, более сложная задача. Как ни парадоксально это прозвучит, книга о Достоевском погружает читателя в самую глубь мирозерцания не только великого романиста, но и самого Иванова. Адекватное понимание ивановского текста и создание полноценного комментария к нему оказались в данном случае невозможны и немыслимы без погружения в мистическую

² См.: Иванов В.И. По звездам: Опыты философские, эстетические и критические: Статьи и афоризмы. Книга 2. Примечания. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2018. 672 с. [2].

антропологию и историософию поэта-символиста. Реализация этой задачи потребовала от комментаторов в некоторых случаях выйти за рамки традиционного жанра и вместо контекстуально-справочной информации представить читателю развернутые исследования, предметно интерпретирующие контекст ивановской мысли. Отметим ряд наиболее значимых тем, которым посвящены эти исследовательские «инкрустации»: символика Люцифера и Аримана; генезис и природа принципа «Ты еси», индивидуации и трансценсуса; семантика пентаграммы и образа Психеи и др. Такая структура книги, при которой комментарии не только вскрывают смысловую глубину оригинального текста, но и становятся увлекательными самостоятельными исследовательскими этюдами, вызывает в памяти некоторые части «восьмикнижия» А.Ф. Лосева: «Античный космос и современная наука» и «Диалектика художественной формы», где лосевские диалектические конструкции подсвечиваются экскурсами в историю неоплатонизма и немецкой классической философии.

Не то чтобы нам хотелось искать на солнце пятна, но уж если позволено, по законам жанра рецензии, высказывать критические замечания, то пусть они будут в духе смиренномудрого наставления Максима Исповедника: если кто-то «какую книгу станет читать не для духовной пользы, а для уловления речений на укор писавшему, дабы тщеславно показать себя более знающим, нежели он, тому нигде, никогда, ничто полезное не откроется» [3, с. 269]. Не для «уловления речений» и не из тщеславия отметим две существенные неточности и одно упущение в комментариях коллег.

К ивановской характеристике Кириллова из «Бесов» (с. 61) – «славит прекрасную, полную противоречий жизнь с Гераклитовым восторгом» – дано такое пояснение: «с мрачным восторгом; Мрачный, Темный – прозвища древнегреческого философа Гераклита Эфесского» (с. 373). Споры нет: Гераклит действительно получил в древности прозвище «скотайнос», «темный», но в данном случае важно не оно, а антиномичность гераклитовской философии, которую А.О. Маковельский в «Досократиках»³ и о. П. Флоренский в «Столпе и утверждении Истины»⁴ называют главным открытием эфесского философа. Это делает понятной связь формулировок Иванова «полная противоречий жизнь» и «Гераклитов восторг».

К высказыванию Иванова о Достоевском: «Восходя, как наставляет Платон, по ступеням любви, он учится открывать на каждой новой ступени в любимом всё большее причастие бытию истинному и через то вырастает в бытии сам, приобщаясь ему от любимого, – пока, в своем алкании безусловного бытия в Ты, не узнает несказанным возгорением своего сердца Единого Возлюблен-

³ Маковельский А.О. Досократики: Ч. 1. Доэлеатовский период: первые греческие мыслители в их творениях, в свидетельствах древности и в свете новейших исследований. Казань: Издание книжного магазина М.А. Голубева, 1914. С. 140 [4].

⁴ Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины: Опыт православной теодицеи. М.: АСТ, 2003. С. 143–144 [5].

ного, объемлющего, утверждающего и спасающего в Себе другие любви» (с. 111) дается такой комментарий: «Отсылка к диалогу Платона “Пир”. Первая ступень эротического восхождения, по Платону, – деторождение, вторая – творчество, третья – общественно-политическая деятельность. Это восхождение от прекрасных тел к душе и знанию. Последняя высшая ступень – познание высшей красоты (210e–212a)» (с. 400). Не оспаривая явственной аллюзии на диалог «Пир», укажем, что она проступает только в начале и в конце данного пассажа: знаменитая лестница Эроса и идея Блага как конечная цель восхождения. Сердцевина этого высказывания отсылает к диалектике любящего, любимого и внушающего любовь божества, которая развивается в диалоге «Федр» (252e – 253c). Как показали исследования С.Д. Титаренко, этот диалог не менее значим для Иванова, чем «Пир»⁵. В статье «Лавр в поэзии Петрарки» Иванов так воспроизводит эту диалектику: «Каждый влюбляется в того, кто, на его взгляд, более соответствует идее божества, которое он ясно помнит, и, любя, всё в большей степени уподобляет предмет своей любви тому богу, чей образ, в нём самом присутствующий и действующий, всё яснее выражается в лице, манерах и характере любимого человека» [7, с. 31].

Характеризуя «солипсический нигилизм» (с. 31) ряда героев Достоевского, подверженных отчуждению от близких и замыкающихся в собственном отъединении, т.е. отвергающих принцип «Ты еси» и горделиво реализующих принцип «аз есмь», Иванов пишет: «Напрасно будет тогда натянутый лук моей воли окрылять стрелу моей любви, направленной к чужому Я: она снова и снова будет возвращаться ко мне, вонзаться в меня, описав круг в пустоте, где нет ничего более реального, кроме моего Я, этой бессущностной тени сна» (с. 32). Последнее словосочетание – цитата из Пиндара, интерполированная Ивановым в его стихотворение *Pietà* из книги «Кормчие звезды»: *И я, тень сна, Титанов буйных племя, / Их непл живой, – / Несу в груди божественное семя, – / Я, Мать, твой!* [8, с. 702] Аллюзия на Пиндара эксплицируется в автокомментарии Иванова, где, по всей видимости, впервые дана (по крайней мере, печатно) характеристика «основоположного» «великого космогонического мифа»: «По орфическому мифу, люди возникли из праха Титанов, испеленных Зевсом за растерзание и пожрание Диониса» [8, с. 861]. Это крохотная словесная молекула – «тень сна» – привлекает еще один важнейший ивановский мистико-символический сюжет – дионисийско-титанический, орфический. Собственно, вслед за пассажем, кончающимся «тенью сна», Иванов дает мистико-психологическое описание солипсического нигилизма, которое повторяет характеристику титанического бытия.

Сравним два высказывания. Первое – из книги о Достоевском: «Тогда моя любовь обращается в ненависть – ибо любовь может существовать только

⁵ См.: Титаренко С.Д. К истолкованию заметок Вячеслава Иванова на полях диалога Платона «Федр» // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 1 / отв. ред. К.Ю. Лаппо-Данилевский и А.Б. Шишкин. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2010. С. 402–413 [6].

в реальном бытии, а ненависть восплаещается и в небытии» (с. 32). Второе – из предисловия к трагедии «Прометей»: «Отрицательное самоопределение каждого титанического существа обращает его жизнеутверждение вволю к поглощению другого, что не он сам, – в постоянный неутолимый голод. Его ненависть – голод, и голод – его любовь; и потому убийственна его любовь, и полна любовной страсти ненависть» [9, с. XXI].

Налицо одинаковая диалектика тождества любви и ненависти в титаническом бытии и солипсическом нигилизме, роднит которые крайняя степень индивидуалистического самоутверждения, т.е. говоря по-ивановски, горделивая реализация принципа «аз есмь».

Мистериально-дионисийские, орфические мифологические коннотации оказываются релевантны для ивановских достоевсковедческих построений, на что в тексте книги есть и другие указания, которые, однако, не место обсуждать в данной рецензии.

Помимо комментария, книга о Достоевском снабжена несколькими *supplementis*: четырьмя приложениями и тремя статьями. Значение этих дополнительных материалов трудно переоценить. Они являются одним из важнейших достоинств книги, а некоторые совершенно эксклюзивны, поскольку впервые вводятся в научный оборот либо впервые публикуются в русском переводе.

В раздел Приложений были включены архивные материалы, новые или републикуемые, которые так или иначе высвечивают формирование замысла книги и его реализацию. Отметим наиболее, на наш взгляд, ценные из них.

Первое приложение содержит стенограмму обсуждения доклада С.Н. Булгакова в Московском РФО «Русская трагедия», который стал катализатором для оформления ивановской *Mythologumena*, т.е. концепции мифологического архетипического сюжета в романах Достоевского, впервые оформленной в виде статьи «Основной миф в романе “Бесы”» (1914 г.).

Конспективные записи ивановских лекций о Достоевском, сделанные дочерью поэта Л.В. Ивановой, позволяют составить впечатление о курсе под названием «Достоевский», который Иванов читал в Бакинском университете в 1921–1923 гг., собирая, по свидетельству А.О. Маковельского, тысячную аудиторию. Здесь содержатся ценные наблюдения и характеристики, которые не вошли ни в статьи Иванова 1910-х гг., ни в книгу о Достоевском. Например, ряд наблюдений о романе «Униженные и оскорбленные», анализ «Записок из подполья», сравнение Раскольникова и «подпольного господина». Чрезвычайно любопытны историко-литературные сопоставления Иванова, которым будет посвящено несколько ярких страниц книги о Достоевском и которые вызовут больше всего возражений у рецензентов. В записях Л.В. Ивановой сохранились сопоставления «Униженных и оскорбленных» с «Вильгельмом Мейстером» Гёте, «Преступления и наказания» с «Эдипом-царем» Софокла!

«Преступление и наказание» рассматривается в этих записях как роман, не просто содержащий в себе трагическую антиномичность и катастрофизм, но

построенный по законам трагедии: единство времени, места, действия, единство точки зрения (героцентричность). К. Мочульский разовьет эту ивановскую идею, ему, безусловно, неизвестную, но подсказанную чтением опубликованных ивановских исследований, в своем обстоятельном анализе «Преступления и наказания», помещенном в его книге «Достоевский. Жизнь и творчество» (1947 г.)⁶.

В состав Приложений входят также материалы, связанные с докладом А. Крученых, который был прочитан в Бакинском университете в 1921 году и в обсуждении которого самое активное участие принял Иванов. Эти материалы примечательны, прежде всего, довольно обстоятельной (по пунктам) сравнительной характеристикой миросозерцания Ницше и Достоевского.

Необходимо сказать несколько слов также о лекции Иванова «Легенда о Великом инквизиторе» (1938 г.). Это выступление Иванова совершенно неожиданно диссонирует с апологетическим тоном, свойственным и книге о Достоевском, и статьям 1910-х гг. Иванов критикует как художественно-эстетическую, так и содержательную, религиозно-философскую сторону «Легенды», в качестве основного оппонента своей мысли избирая Николая Бердяева, который в 1923 году выпустил книгу «Миросозерцание Достоевского», где развивает мысль о центральном месте «Легенды» в творчестве Достоевского, поскольку в ней сосредоточена диалектика человеческой свободы⁷.

В Приложении публикуется также подборка немецкоязычных рецензий на ивановскую книгу. Они были выявлены и републикованы американским иванововедом М. Вахтелем в книге *Vjačeslav Ivanov und seine deutschsprachigen Verleger: Eine Chronik in Briefen* («Вячеслав Иванов и его немецкоязычные издатели: Хроника в письмах»). Подготовку перевода и комментария к этим рецензиям взяла на себя О.Л. Фетисенко.

Наиболее значительные рецензии принадлежат Альфреду Хёнцшу, поэту, критику, ученику Ф.А. Степуна по Дрезденскому университету, корреспонденту Иванова, и Альфреду Бёму, историку литературы и литературному критику, руководившему семинаром по Достоевскому в Русском народном университете в Праге.

Хёнцш выделяет три этапа восприятия Достоевского на Западе: натуралистический (психологизм и социальные проблемы), неоромантический (метафизические проблемы), экспрессионистский (религиозно-христианская проблематика, Достоевский как «последний великий христианский мыслитель и пророк»). Книгу Иванова рецензент ставит в один ряд с работами Бердяева, Турнейзена, Кампмана и находит у них общую интенцию – утверждение веры Достоевского в невидимый Рай на земле, свободное христианское всеединство, образцом которого является «Илюшино братство», основанное Алешей Кара-

⁶ См.: Мочульский К. Достоевский. Жизнь и творчество // Он же. Гоголь. Соловьёв. Достоевский. М.: Республика, 1995. С. 139–157 [10].

⁷ См.: Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского // Достоевский Ф.М. Postscriptum. М.: Эксмо, 2007. С. 138–157 [11].

мазовым по образцу Церкви, на памяти о «маленьком святом» и первомученике общины мальчиков. Хёншш считает ивановскую книгу самым глубоким проникновением в мирозерцание Достоевского.

Альфреду Бёму принадлежит, пожалуй, наиболее обстоятельная и пронизательная рецензия. В ней основное внимание сосредоточено не на религиозно-мистической составляющей ивановской книги, а на историко-литературной. Из всех рецензентов Бём был единственным профессиональным филологом-достоевсковедом, внимательно следящим за научной литературой. Он отмечает ряд открытий Иванова, которые стали общим достоянием: определение романа Достоевского как романа-трагедии; выделение трех уровней мотивировок событий (эмпирического, психологического, метафизического). Особое внимание Бём уделяет понятию «основного мифа». Он находит аналогии этого понятия в литературоведческих работах и сближает его с понятием «внутренней формы» (А. Потебня). Бём отмечает историко-литературные сопоставления, которые предпринимает Иванов, в первую очередь сравнительный анализ архетипического мифологического сюжета и символических образов романа Достоевского «Бесы» и трагедии Гёте «Фауст», считая их самым глубоким из того, что было сказано о связи русского писателя и немецкого поэта.

По представленным выше рецензиям может возникнуть впечатление, что интерес к ивановской книге проявили исключительно немецкоязычные читатели. Это не так. Письма к Иванову русско-итальянского медиевиста и политического активиста Андреа Каффи, которые сейчас готовятся для публикации в журнале «Русско-итальянский архив», позволяют установить явственный интерес к книге Иванова французской интеллектуальной элиты: Шарля дю Боса⁸, Бернара Грутойзена (Groethuysen) и Габриэля Марселя. Проект перевода ивановской книги на французский в 1930-е гг. не был, однако, реализован. Плодом же знакомства Габриэля Марселя с книгой Иванова стало исследование *L'interpretazione dell'opera di Dostoievski secondo V. Ivanov*, опубликованное в 1934 году в журнале *Il Convegno*⁹.

Одним из самых информативных и практически значимых из всех приложений следует признать, пожалуй, и хронику «Достоевский в жизни и мысли

⁸ См. также: письмо Шарля дю Боса Иванову от 23 декабря 1931 года: «Je me réjouis à l'idée de l'édition allemande de votre Dostoïevski: envoyez-la moi dès qu'il paraîtra afin que je puisse me rendre compte comment se présenterait au mieux, et pour quelle destination, la traduction française: oui, il faut qu'il y en ait une. Mais n'est-elle pas en voie d'exécution? Mon ami Bernard Groethuysen m'en parlait ici l'autre jour comme d'une chose faite et me demandait même quel éditeur pourrait s'en occuper» («Я рад идее издания Вашего "Достоевского" на немецком, вышлите его мне, как только он выйдет, чтобы я мог понять, как и куда лучше всего предложить французский перевод: да, нужно, чтобы он был только один. В стадии ли он выполнения? Мой друг Бернар Грутойзен рассказывал мне намерения о нем как о деле завершнном и спрашивал меня, какой издатель мог бы им заняться») [12, p. 526].

⁹ См.: Marcel G. *L'interpretazione dell'opera di Dostoievski secondo V. Ivanov*. *Il Convegno*. 1934, XII. P. 274–280 [13].

В.И. Иванова (1883–1949)», составленную А.Б. Шишкиным и А.Л. Соболевым и представляющую собой незаменимый компендиум документированных свидетельств, освещающих ивановскую «достоевскиану».

В статье «Вячеслав Иванов и открытие Достоевского в XX веке» А.Б. Шишкин на основе архивных документов и историко-литературных свидетельств воссоздает историю зарождения и публикации ивановских работ о Достоевском. В этом исследовании следует обратить внимание на генезис знаменитой ивановской демонологии (Люцифер и Ариман; упоминаемая Ивановым третья личина зла – Легион – есть не что иное, как «отпрыск» Аримана), которая применяется для осмысления метафизики Достоевского. Шишкин приводит лист черновой редакции романа «Идиот», где Достоевский пишет имя Аримана, и сопоставляет это свидетельство с записью Иванова в так называемом «Интеллектуальном дневнике», датированном 1888–1889 гг.: мир Достоевского – это «мир первоначальных стихийных сил, застигнутых в страшной борьбе, мир, где сражаются Ормузд и Ариман, дух и плоть» (с. 233). Таким образом, Иванов демонстрирует удивительную чуткость, которая позволила ему в 1888 году уловить у Достоевского аримановский принцип, который в книге 1932 года ляжет в основу раздела «Демонология».

Исследование Шишкина, по всей видимости, ставит точку в дискуссии о генезисе ивановской демонологии, которую Г.В. Обатнин в книге «Иванов-мистик (окультиные мотивы в поэзии и прозе Вячеслава Иванова) (1907–1919)» связал с влиянием антропософии Рудольфа Штейнера¹⁰.

Статья М.Б. Плюхановой «Труды Вяч. Иванова о Достоевском: эволюция основного мифа» посвящена одной из самых обсуждаемых в последнее время в иванововедении проблем: каково смысловое наполнение термина «основной миф» и что конкретно, по мнению Иванова, является «основным мифом» Достоевского? Иванов дает такую формулировку «основного мифа» Достоевского: «Достоевский хотел показать в “Бесах”, как Вечная Женственность русской Души страдает от насильничества и засилья “бесов”, искони борющихся в народе с Христом за обладание мужественным началом народного сознания. <...> Он [Достоевский. – Л.К.] как бы воочию увидел, как мужское начало сокровенного народного бытия, обращенное к созерцательной духовности, вытесняется из сферы его воздействия на душу народа и на его внешнюю жизнь бесовским “Легионом” и как женское его начало, душа русской земли, мучается и томится ожиданием спасителя своего, героя Христова, богоносца: при всем своем смятенном состоянии в пленении и покинутости – изменника и самозванца, приближающегося к ней под личиной желанного и долгожданного, она всегда узнает, и обличит его, и проклянет» (с. 56).

Исследовательница приходит к выводу, что при формулировке «основного мифа» Достоевского Иванов опирался на апостола Павла, который в Посла-

¹⁰ См.: Обатнин Г.В. Иванов-мистик (окультиные мотивы в поэзии и прозе Вячеслава Иванова) (1907–1919). М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 147–154 [14].

нии к римлянам (8:19-25) писал: «Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих (8:19); Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится доньше. И не только она, но и мы сами, имея начаток Духа, и мы в себе стенаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего» (8:22-23).

В отличие от статей 1910-х гг., в книге 1932 года Иванов эксплицирует гностические подтексты «основного мифа». Они проявляются в усилении интерпретации князя Мышкина как сына Света, который должен освободить Настасью Филипповну, символизирующую Вечную Женственность, Софию и Ахамот гностиков.

В заключение нельзя не отметить яркую особенность рецензируемого издания, которая делает его уникальным не только в научно-интеллектуальном, но и в художественно-эстетическом отношении: книга обильно иллюстрирована графическими рисунками А.Г. Траугота, выдающегося художника-иллюстратора. Эти экспрессивные, словно сомнабулические рисунки своей фантазмагоричностью создают известный контраст ивановскому тексту, подчеркивая разницу между научным и художественным осмыслением наследия Достоевского. Вместе с тем архитектурная сложность композиции трауготовских иллюстраций соответствует многомерности и символической насыщенности ивановской интерпретации.

Список литературы

1. «Ну, а по существу я ваш неоплатный должник». Фрагменты переписки В.И. Иванова с Е.Д. Шором // Символ. 2008. № 53–54. С. 338–403.
2. Иванов В.И. По звездам: Опыты философские, эстетические и критические: Статьи и афоризмы. Кн. 2. Примечания. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2018. 672 с.
3. Максим Исповедник. Четыре сотни глав о любви // Добротолюбие. М.: АСТ, 2001. С. 269–330.
4. Маковельский А.О. Досократики: Ч. 1. Доэлеатовский период: первые греческие мыслители в их творениях, в свидетельствах древности и в свете новейших исследований. Казань: Издание книжного магазина М.А. Голубева, 1914. XL. 211 с.
5. Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины: Опыт православной теодицеи. М.: АСТ, 2003. 640 с.
6. Титаренко С.Д. К истолкованию заметок Вячеслава Иванова на полях диалога Платона «Федр» // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 1 / отв. ред. К.Ю. Лаппо-Данилевский и А.Б. Шишкин. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2010. С. 402–413.
7. Иванов В.И. Лавр в поэзии Петрарки // Петрарка в русской литературе. Кн. 2. М.: Рудомино, 2006. С. 27–33.
8. Иванов В.И. Кормчие звезды // Иванов В.И. Собрание сочинений. Т. 1. Брюссель, 1971. С. 513–708.
9. Иванов В.И. Прометей. Трагедия. Петербург: Алконост, 1919. XXV+82 с.
10. Мочульский К. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М.: Республика, 1995. 607 с.
11. Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского // Достоевский Ф.М. Post scriptum. М.: Эксмо, 2007. С. 7–168.
12. Zarankin J., Wachtel M. The correspondence of Viacheslav Ivanov and Charles Du Bos // Русско-итальянский архив. III. Вячеслав Иванов: Новые материалы / сост. Даниэла Рицци и Андрей Шишкин. Салерно, 2001. P. 497–540.

13. Marcel G. L'interpretazione dell'opera di Dostoievski secondo V. Ivanov. II Convegno. 1934, XII. P. 274–280.

14. Обатнин Г.В. Иванов-мистик (окультные мотивы в поэзии и прозе Вячеслава Иванова (1907–1919)). М.: Новое литературное обозрение, 2000. 240 с.

References

(Sources)

Selected works

1. Ivanov, V.I. Kormchie zvezdy [Pilot stars], in Ivanov, V.I. *Sobranie sochineniy, t. I* [Selected works, vol. 1]. Bryussel', 1971. 872 p.

2. Ivanov, V.I. *Po zvezdam: Opyty filosofskie, esteticheskie i kriticheskie: Stat'i i aforizmy. Kn. 2. Primechaniya* [By the Stars: Philosophical, aesthetic, and critical Experiences: Articles and aphorisms. 2nd book. Notes]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskiy Dom», 2018. 672 p.

Individual Works

3. Berdyayev, N.A. *Mirosozertsanie Dostoevskogo* [Dostoevsky's Worldview], in Dostoevsky, F.M. *Post scriptum*. Moscow: Eksmo, 2007, pp. 7–168.

4. Ivanov, V.I. *Prometey. Tragediya* [Prometheus. Tragedy]. Peterburg: Alkonost, 1919. XXV+82 p.

5. Maksim Ispovednik. Chetyre sotni glav o lyubvi [Four hundred chapters on love], in *Dobrotolyubie* [Dobrotolubie]. Moscow: AST, 2001, pp. 269–330.

6. «Nu, a po sushchestvu ya vash neoplatnyy dolzhnik». Fragmenty perepiski V.I. Ivanova s E.D. Shorom [Well, in essence, I am your unpaid debtor. Fragments of correspondence between V.I. Ivanov and E.D. Shor], in *Simvol*, 2008, no. 53–54, pp. 338–403.

7. Florenskiy, P.A. *Stolp i utverzhdenie Istiny: Opyt pravoslavnoy teoditsei* [The Pillar and the Affirmation of Truth: The Experience of Orthodox Theodicy]. Moscow: AST, 2003. 640 p.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

8. Ivanov, V. I. Lavr v poezii Petrarki [Laurel in Petrarch's poetry], in *Petrarka v russkoy literature. Kn. 2* [Petrarch in Russian literature. 2nd book]. Moscow: Rudomino, 2006, pp. 27–33.

9. Titarenko, S.D. K istolkovaniyu zametok Vyacheslava Ivanova na polyakh dialoga Platona «Fedr» [To the interpretation of notes by Vyacheslav Ivanov in the margins of Plato's dialogue «Phaedrus»], in Lappo-Danilevskiy, K.Yu., Shishkin, A.B. (red.) *Vyacheslav Ivanov. Issledovaniya i materialy. Vyp. 1* [Vyacheslav Ivanov. Research and materials. Issue 1]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskiy Dom», 2010, pp. 402–413.

10. Marcel, G. L'interpretazione dell'opera di Dostoievski secondo V. Ivanov [The interpretation of Dostoevsky's work according to V. Ivanov], in *Il Convegno*. 1934, XII, pp. 274–280.

11. Zarankin, J., Wachtel, M. The correspondence of Viacheslav Ivanov and Charles Du Bos, in Ritstsi, D., Shishkin, A. (red.) *Russko-ital'yanskiy arkhiv. III. Vyacheslav Ivanov: Novye materialy* [Russian-Italian Archive. III. Vyacheslav Ivanov: New materials]. Salerno, 2001, pp. 497–540.

(Monographs)

12. Makovel'skiy, A.O. *Dosokratiki: Chast' I. Doeletatovskiy period: pervye grecheskie mysliteli v ikh tvorennyakh, v svidetel'stvakh drevnosti i v svete noveyshikh issledovaniy* [Pre-Socratics: Part 1. The pre-Elementian period: the first Greek thinkers in their works, in the evidence of antiquity, and in the light of recent research.]. Kazan': Izdanie knizhnogo magazina M.A. Golubeva, 1914. XL. 211 p.

13. Mochul'skiy, K. *Gogol'. Solov'ev. Dostoevskiy* [Gogol. Solovyov. Dostoevsky]. Moscow: Respublika, 1995. 607 p.

14. Obatnin, G.V. *Ivanov-mistik (okkul'tnye motivy v poezii i proze Vyacheslava Ivanova (1907–1919))* [Ivanov as a mystic (occult motifs in the poetry and prose of Vyacheslav Ivanov (1907–1919))]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2000. 240 p.